

ПОДНИМЕТ, РАСЦЕЛУЕТ: «ПОЗДРАВЛЯЮ С ОЧИЩЕНИЕМ СОВЕСТИ!»

Игумен Довмонт (Беляев) о старце Николае Гурьянове

25.10.18

Игумен Довмонт (Беляев), настоятель Успенской церкви в Ивангороде, вспоминает о своих встречах с отцом Николаем (Гурьяновым) и рассуждает о христианской педагогике старца, его доброй заботе, иногда и строгой, о душах приходящих к нему мирян и священников.

90-летний веселый юноша: простой секрет отца Николая

– Отец Довмонт, когда вы впервые встретились с батюшкой Николаем? Что вам бросилось в глаза при первой встрече?

– Это было зимой 1994 года. Я познакомился с отцом Николаем, когда был уже в сане, когда стал священником. А что бросилось в глаза... Знаете, наверное, воспитанное стойким, христианским перенесением страданий отсутствие, как это сейчас называется, «амбиций» и повышенных запросов к собственному комфорту. У отца Николая был малюсенький домик на Залите, который он купил на свои деньги, и там они с мамой жили. И ему казалось, что счастливей его нет, что у него все есть, абсолютно.

– Помните, его спрашивают: «Как вы живете в такой бедности?», и он говорит: «Прекрасно живем: все есть – соль, спички. Слава Богу! Как здесь хорошо...»

– Да, все есть. Он всегда говорил: «Слава Богу!» Зимой пол промерзал, так и картошка была насыпана, где он спал, потому что в подполе она мерзла. Чтобы не мерзла, она лежала у него в уголке, ее накрывали чем-то.

– Как вы приехали на остров? В одиночку?

– На Залит приехал первый раз один. На рейсовом автобусе. Был конец зимы. Первый раз чуть не заблудился. От деревни Толба, до которой шел автобус, нужно было еще идти по берегу и по озеру, по льду, в общей сложности километров семь. Я пошел совсем не в ту сторону. Забрел на какое-то болото. Слава Богу, встретилась местная женщина – она мне указала правильную дорогу. В конце концов добрался до острова через пару часов. Пока шел, служил по памяти молебен святителю Николаю Чудотворцу.

Когда подошел к домику батюшки, обратил внимание на птиц. Вся крыша была покрыта сидящими на ней пернатыми. Там были и голуби, и галки, и вороны. На окнах звенели колокольчики от «донки», привязанные к кускам сырого сала. А звенели, потому что их клевали маленькие лесные птицы: синицы, снегири и какие-то совсем мне незнакомые. Но были и простые воробьи. Сразу вспомнилось житие преподобного Сергия Радонежского. Это казалось очень необычным. Уже потом, общаясь с батюшкой, я узнал, что кормить птиц отец Николай ходит как на работу. Он специально варил для них в большой кастрюле что-то вроде каши. И кроме того сыпал им крупу. Пшено, по-моему.

На улице стояли какие-то люди. Дверь в домик была закрыта изнутри. Я постучал в окошечко и стал ждать. Батюшка вышел не сразу. Но когда вышел, то сразу пригласил меня в дом. Там на кухоньке он предложил мне снять пальто и скуфью и усадил меня на табурет. Там была еще какая-то женщина. Ее отец Николай сразу выдворил на улицу, сказав ей: «Иди. Нам с батюшкой поговорить нужно». После ее ухода он закрыл дверь изнутри на палку, которая у него была чем-то вроде замка. Потом батюшка вернулся на кухоньку, подошел ко мне и начал подметать пол веником вокруг меня. Я немного смутился. Сказал: «Давайте я вам помогу». Он ответил: «Не мешай». Потом вдруг выпрямился, подошел ко мне и стал называть все мои грехи. Самые тайные. Я чуть со стула не упал. Даже слезы потекли сами собой от неожиданности и стыда. Я совсем растерялся. А отец Николай улыбнулся, наклонился ко мне и вдруг как боднет меня в лоб своей головой. Как будто мы не священники, а школьники на перемене. Его лицо совершенно преобразилось при этом.

На меня смотрел не девятистолетний ветхий старец, а молодой веселый человек. Такие были у него тогда глаза. Такая любовь от него исходила. Потом мы долго беседовали. На душе у меня стало необыкновенно спокойно и мирно. Батюшка тогда меня благословил на приходское служение в храм архангела Михаила в селе Кобылье Городище. Потом я с удивлением узнал, что это его родные места.

Я уже собирался уходить, но батюшка не хотел меня отпускать от себя без обеда. Из печи он достал чугунок с пшенной кашей, а из сеней принес крынку с молоком. Потом появились пирожки с яйцом и с морковью. Батюшка не просто кормил, а, как говорили в старину, потчевал. Только съел кашу, а отец Николай – раз, и снова столько же тебе накладывает. Только допил молоко, а батюшка уже опять наливает столько же. Как будто я внучок, который на каникулы приехал. Такая у него любовь была во всем.

«Обычные попы не в счет» и ответ старца

– А что запомнилось в следующую поездку?

– В следующий раз я приехал к нему, вернее – приплыл, вместе с большой группой паломников. Мы добрались до Залита на маленьком парходике. «Заря» называется. Отправлялся этот парходик из Пскова прямо от небольшой пристани недалеко от Псковского Крома. Большинство пассажиров направлялись именно к старцу Николаю. Стараясь охарактеризовать эту группу паломников, я бы назвал ее разношерстной. В смысле, шерсть – грехи – у всех были, но у каждого – что-то свое. И с этим своим – к отцу Николаю. Бедный батюшка, в общем.

– Что это были за люди?

– Из Москвы, из Питера... Разные люди... Со Пскова. Все мы вместе плыли. Я, уже иеромонах, был в подряснике, в скуфейке, то есть было видно, что священник. На меня ноль внимания: все же «к старцу приехали – обычные попы не в счет!» Причем это открыто демонстрировалось некоторыми. Ладно, потерплю.

К старцу пришли все в храм, стоим, ждем. Там еще даже часы не начинались, батюшка проскомидию совершает. Он выглянул, увидел меня, говорит: «Батюшка, идите сюда». Меня позвал в алтарь, я зашел. Он: «Вы откуда, кто, что?» Я говорю: «Я хотел бы поисповедоваться». – «О, это хорошо». Он меня поисповедовал у Престола. Причем у него всегда была такая любовь. Я был молодой тогда, всякие были искушения, говоришь ему, а он, думаешь, как даст сейчас. А он поднимет, расцелует: «Поздравляю с очищением совести!» Единственные были слова, ни упреков никогда, ни неприязни. Правда, часто он... не успеешь ему свои грехи назвать, а он уж сам их называет.

Блажен, иже и скоты милует

□ – Помогает вспоминать?

– Не то что помогает, а напоминает: «А вот это-то, а вот это-то...» И действительно, напомнил мне один грех, про который я сам, может быть, и не вспомнил бы. Однажды зашло стадо овец на территорию кладбища и ну по могилам шархаться. Я их стал выгонять и на одну овцу так здорово рассердился, такого пинка ей дал, что она как мертвая стала. Я испугался: «Ну, убил ее, все». Потом отвернулся, а она вскочила и давай бежать. Я про это забыл потом. А он на исповеди: «А как же животные? Нельзя бить животных. Это же тварь Божия». Вот он стал мне все это говорить. Меня как окатило! Надо же, такую мелочь!.. Я про это и забыл, а он мне все это вспомнил.

Вообще отец Николай очень трепетно и с большой любовью относился ко всякой живой твари. Включая насекомых и растения.

Итак, он меня исповедовал, потом берет епитрахиль, сам на меня надевает, поручи дает, дает мне крест, Евангелие, требник, выводит меня за руку на солею. А на левом клиросе люди стоят на исповедь, и он говорит: «Так, тут к нам хороший батюшка приехал, сейчас он вас всех будет исповедовать». И ушел в алтарь. И всем пришлось Богу в моем присутствии исповедоваться, а не при старце. Они-то «к старцу приехали», а батюшка заставил их Христу при мне, простом и грешном, том самом «обычном попе», от которого нос воротили, исповедоваться.

– Тоже урок?

– Конечно, урок. Он людям дал понять, что на священника нельзя как на шкаф, как на табуретку смотреть. Раз приехал священник, надо к нему как к священнику относиться.

– То есть отношение к священникам было у него трепетное?

– Я бы назвал это правильным, христианским отношением к тем, кто предстоит у Престола и молится вместе с общиной. Это не отношение к священникам как к представителям, простите, какой-то особой касты, нет, ни в коем случае, – это благоговейное отношение к их служению, к их ответственности перед Богом и людьми. Он был предельно почтителен к священнослужителям. Сказать что-либо обидное, пусть и справедливое, при людях – никогда! На исповеди мог сказать, так – никогда. Один священник к нему приехал за советом, но, видно, были у него какие-то нераскаянные грехи, и тогда отец Николай коту своему Липке, юродствуя, как будто к нему обращаясь, начал грехи того священника, открывшиеся ему, рассказывать. Батюшка кота наругал, а священник себя вдруг в истинном свете увидел. И больше ни о чем и спрашивать батюшку не стал.

Перо соколье, нутро воронье

– Это был педагогический шаг такой – поставить на исповедь обычного священника, никому не известного?

– Да, урок был как для мирян, так и для меня самого. А интересно было: когда я стал исповедовать этих людей, удивился, кто с чем приехал. Не в плане грехов, а были люди, особенно такие лощеные, из Москвы, по-моему, так они вместо покаяния смиренно возмущались: «Что же тут так грязно! Да что же он весь в каком-то тряпье! Что у него облачение такое грязное! Почему здесь так грязно?» Вот такая странная «исповедь»... Я потом понял, что отец Николай неслучайно меня исповедовать поставил. Тоже урок для меня: кто идет в храм за духовным, а кто, только желая искусить.

– Они были не очень здоровые, эти люди?

– Нет, такие холеные, разодетые, муж с женой, но...

– Психически нездоровые?

– Внешне-то все «упакованы», а душа-то нездоровая.

– А после службы как вы общались с батюшкой?

– Мне кажется, службу он вел постоянно. То есть, даже находясь вне церкви, он продолжал служение Богу. Даже играя на своей знаменитой фисгармонии. Инструмент у него стоял, он ведь играл прекрасно.

Как старец спал на службе

– А о себе батюшка вам рассказывал?

– Рассказывал немного о себе. Тем более я тогда служил на его родине. Храм архангела Михаила в селе Кобылье Городище Гдовского района Самолвовского сельсовета – это его родина, где его крестили, там похоронен его папа, его дяди, тети – там их родовые могилы. Само село, где он родился, и дом, где он жил и жила вся их семья, сохранились по сей день. Это Чудские Заходы, а Кобылье Городище – это их приход, там их храм, он был на восемь сел. Их село было в этом приходе. И на кладбище в Кобыльем Городище хоронили всех их родственников. Приход ведь по кладбищам: из каких сел там хоронят, значит, такой там и приход. Там было восемь деревень. Папа его, Алексей, был певчим, пел на клиросе тенором. Часто будущего отца Николая маленького брали на службу. Батюшка рассказывал, что однажды, когда его взяли на ночную службу на Пасху, он там заснул. Храм XV века, стены толстые, подоконники огромные. «Вот, – говорит, – меня на подоконник положат, чтобы народ ребенка не затолкал, и я там спал».

«Религиозная агитация» отца Николая

– А что касается его музыкальных упражнений, то отец Николай издал целый сборник духовных песнопений «Слово Жизни» – духовные канты для народного пения: батюшка собирал их, а потом переложил на музыку. Как-то отец Николай подарил мне этот сборник, и это один из самых ценных подарков в моей жизни.

– Не подписал?

– Очень интересно подписал. Протягивает мне книгу, я с благодарностью принимаю. У меня была ручка шариковая с красной пастой с собой. Говорю: «Отец Николай, подпишите мне, пожалуйста». Он взял ручку и поставил такую маленькую закорючку, почти точку – и все. И при этом смотрит и улыбается.

– У него было особое отношение к красному цвету? Под флагами именно этого цвета на его долю выпало множество страданий.

– Нет, ничего такого, просто он пошутил, я думаю. В политику он не вдавался, злопамятным не был. А потом, когда мне отдавал, говорит: «А мне ничего за агитацию не будет?» Вот этот сборник: «Слово жизни» – это его, отца Николая, подарок.

Игумен Довмонт (Беляев)

беседовал Петр Давыдов

Игумен Довмонт о старце Николае Гурьянове

Автор: Admin

25.10.2018 04:20 - Обновлено 30.10.2018 18:16

25 октября 2018 г.

<http://www.pravoslavie.ru>